

Перевод с болгарского.

27
Секретно
Док. № 4
Рассекречено

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

доктора Марко АНТОНОВА МАРКОВА.

Я, нижеподписавшийся, доктор Марко АНТОНОВ МАРКОВ, 44 года, болгарин, грамотный, женатый, несудимый, родился в городе Нова-Загора, доцент кафедры судебной медицины на медицинском факультете.

В отношении моей посылки в качестве болгарского делегата в Катынь показываю следующее:

В дни накануне пасхи прошлого года профессор И. МОСКОВ, директор Судебно-Медицинского Института выехал в свой родной город Севлиево для проведения праздников, как он мне сказал, оставив меня замещать его в институте. Впоследствии, т.е. после моего возвращения из Смоленска, я узнал, что на профессора МОСКОВА несколько дней подряд чрезвычайно сильно нажимали для того, чтобы получить его согласие поехать в качестве болгарского делегата в Катынь. От профессора МОСКОВА я узнал, что этот нажим лично осуществлял министр-президент ФИЛОВ, заявив ему, что первоначальное приглашение превращается в приказ, а министр просвещения профессор ЙОЦОВ, личный приятель МОСКОВА, предупредил его о том, что если он не подчинится, то это будет иметь самые серьезные последствия. Профессор МОСКОВ мне сказал, что он не хотел выезжать потому, что был обижен на немцев, отказавших ему до этого в визе для одной научной поездки в Германию (Бреслау), считая его политически неудобным.

Не имея возможности другим путем избежать этой поездки, профессор МОСКОВ сбежал в Севлиево, не сказав мне ни слова по этому вопросу. Этим он, очевидно, стремился добиться того, чтобы приказ об отправке застал меня совершенно непредупрежденным и чтобы я ничего не мог сделать, чтобы избежать этой миссии (например, выехав из Софии на

несколько дней, или притворившись больным), и, таким образом, чтобы, отправив меня, оставили его в покое. И действительно, ~~лишь из~~ Севлиево он телеграммой дал знать в Министерство ~~Внешних~~ ^{Иностранных} дел, что не может выехать и выдвинул меня для этой миссии. То, что на меня он указал, как на кандидата для этой миссии, сказано в письме за № 450 (отдел шифра и архивов) Министерства ~~Внешних~~ ^{Иностранных} дел, адресованному декану медицинского факультета, подписанному главным секретарем Министерства полномочным министром Шишмановым, копию этого письма я представил г-ну следователю. Когда в министерстве была получена телеграмма МОСКОВА, оставался только один рабочий день до пасхи, чтобы подготовить дорожные бумаги болгарского делегата. За это короткое время, даже при желании нельзя было привезти МОСКОВА из Севлиево и поэтому в министерстве сделали все возможное, чтобы меня не выпустить из своих рук, так как не было времени искать другого делегата и подготовить его отpravку.

Предпоследний рабочий день перед пасхой я был, как обыкновенно, на работе в нашем институте (в Александровской больнице), когда мне сообщили, что меня вызывают по телефону из Министерства Иностранных дел. До этого я не знал, что в Катень будет отправлен болгарский делегат. По телефону разговаривал со мной доктор ГЮРОВ, секретарь министра-президента. Имя доктора ГЮРОВА я слышал впервые. Он мне сказал, что по приказу министра-президента ФИЛОВА я должен выехать в качестве болгарского делегата в международную комиссию судебных медиков, которая должна обследовать трупы в Катинском лесу и поэтому я должен явиться к нему, т.е. к доктору ГЮРОВУ на следующее утро в Министерство Иностранных дел. Я немедленно попытался найти способ освободиться от этой миссии, так как не желал участвовать в этом расследовании. Я не мог сказать, что я болен, так как, как сказал уже, доктор ГЮРОВ меня застал на работе, т.е. знал, что я здоров. Поэтому моим первым возражением было, что я не могу оставить свою работу и выехать, потому, что меня оставили замещать профессора МОСКОВА, ди-

ректора института, который находится в Севлиево. С этой позиции меня немедленно сбил доктор ГЮРОВ, заявив мне, что как раз директор института профессор МОСКОВ телеграммой в Министерство указал на меня, как на его заместителя в этой миссии, так как он сам не мог выехать. Доктор ГЮРОВ меня вызвал в Министерство, чтобы показать мне телеграмму МОСКОВА.

Утром, т.е. в последний рабочий день перед пасхой я явился в Министерство Иностранных дел к доктору ГЮРОВУ, все еще имея надежду, что смогу освободиться от этой миссии. Я снова сказал доктору ГЮРОВУ, что не желаю выехать, но он вынул из ящика своего стола телеграмму профессора Москова, прочел мне ее и настаивал на том, что сам мой шеф рекомендовал меня для этой миссии; что обязательно должен быть отправлен болгарский делегат; что нет времени искать другого человека, потому что наш делегат должен быть отправлен самолетом не позже понедельника утром, т.е. на второй день пасхи и что при этом положении никоим образом я не могу быть освобожден от возложенной на меня миссии. Я все-же настаивал, что не желаю выезжать и спросил является-ли это приглашением, подобно тем, какие иногда посылаются Министерством Иностранных дел для научных встреч и конгрессов или это является приказом. Доктор ГЮРОВ сказал мне, что это приказ министра-президента и что я обязан его выполнить. Я упорно отказывался от поездки и спросил какие будут последствия, если я все-таки не выполню этот приказ. Тогда доктор ГЮРОВ мне ответил, что теперь война и правительство имеет возможность послать меня туда, куда оно считает нужным. Эти слова доктор ГЮРОВ высказал таким раздраженным тоном, что я теперь себе об"ясняю это тем, что в Министерстве были раздражены бегством МОСКОВА в Севлиево и никоим образом не хотели упустить и меня. Эти слова ГЮРОВА меня сломили, потому что я понял, что решено заставить меня поехать всей силой власти, которой они располагали, мобилизуя меня эвентуально и отправив меня в качестве военного лица. В таком случае мое положение

ние было-бы гораздо хуже, потому что, как военному лицу, они бы приказывали мне после возвращения вести пропаганду, что я бы не выполнил и попал бы в военный трибунал. Доктор ГЮРОВ не оставил мне ни малейшей надежды, что я могу избежать эту миссию. Напротив, своими словами и тоном он дал мне понять, что мой отъезд нельзя отменить.

После этого доктор ГЮРОВ проводил меня и оставил у главного секретаря Министерства Иностранных дел полномочного министра ШИШАНОВА. Он также сказал мне, что по приказу министра-президента я должен участвовать в качестве болгарского делегата в международной медицинской комиссии, которая обследует обнаруженные в Катыне несколько тысяч трупов. Все еще с надеждой избавиться, я ухватился за это обстоятельство и заявил, что необходимы целые месяцы для обследования нескольких тысяч трупов, тогда как я не могу на такое длительное время оторваться от своей университетской работы. На это ШИШАНОВ мне ответил, что мы не останемся там на время обследования всех трупов, что большая часть трупов уже вырыта, что нам только покажут то, что найдено, будет составлен протокол о том, что мы увидим который я подпишу в качестве болгарского делегата и возвращусь обратно. ШИШАНОВ утверждал, что вся моя поездка не будет длиться больше чем неделю или десять дней, как и оказалось на деле.

То обстоятельство, что от нас требовалось составить мнение о состоянии тысяч трупов без обследования их и представлялось лишь короткое время для того, чтобы увидеть то, что уже было "приготовлено", заставило меня еще тогда усумниться, что здесь дело идет о какой то инсценировке. Это еще больше увеличило мое нежелание ехать и я начал просить ШИШАНОВА освободить меня, настаивая, что для такой миссии нужен человек с большим общественным авторитетом. На это ШИШАНОВ мне ответил, что он понимает мою щепетильность, как университетского преподавателя, потому что и он выходец из профессорской семьи, но что никаким образом нельзя меня освободить от этой обязанности. ШИШАНОВ докладывал в соседней комнате министру ФИЛОВУ о моем

присутствии, но тот меня не принял:

Таким образом, вопреки моему нежеланию, ехать, после того, как я сделал все возможное, чтобы освободиться от этой миссии, меня принудили выехать представители тогдашней власти и главным образом доктор ГЮРОВ. Мое нежелание поехать было очевидно для моих близких и для моих коллег из института, говоривших мне, что я уезжаю "как больной". Это могут подтвердить мои коллеги по институту судебной медицины доктор Н. ШИПКОВЕНСКИЙ и доктор Р. ВАСИЛЕВА.

Посыльный из Министерства Иностранных дел отвел меня в германскую миссию к советнику МООРМАН, которому я передал изготовленный для меня в Министерстве Иностранных дел специальный паспорт. МООРМАН сказал мне, что на следующий день пошлет мне заверенный паспорт, а также и билет на самолет до Берлина, что он и сделал.

В понедельник, т. е. на второй день пасхи я выехал в Берлин и в тот же вечер был там. На аэродроме меня встретил молодой служащий из нашей миссии и шофер немецкой машины, отвезший меня в гостиницу. Там уже находилась часть прибывших делегатов. Остальные прибыли на следующий день.

Кроме меня прибыли делегаты еще из Румынии, Хорватии, Венгрии, Словакии, Чехии, Финляндии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Испании и Италии. Немцы сказали нам, что выехал также представитель Швеции, но по дороге с ним случилось несчастье. Представитель Испании, профессор Пига из Мадрида, пожилой старик, прибыл истощенным длительной дорогой и на другой день нам сказали, что он заболел и не может ехать в Смоленск.

Вторник мы провели в Берлине. В этот день я был в нашей миссии и просил сообщить в Софию, что я прибыл. Полномочный министр ЗАГОРОВ был в то время в Софии и меня принял секретарь Смедовский.

Утром на следующий день, в среду мы вылетели с военного аэродрома в Берлин на двух пассажирских самолетах в Смоленск. В каждый самолет село около 20 человек. Нас, иностранных делегатов, было всего 13 человек. Все остальные были немцы, которые всюду ездили с нами, но с большинством из них нас не познакомили и мы не могли понять кто они. С нами ехал директор ЦИЦ (Lietz), сообщивший, что он из Министерства Здравоохранения, но он не был врачом. Он выполнял роль хозяина от имени министра здравоохранения доктора КОНТИ (Conti). Мы поняли, что двое или трое из сопровождавших нас лиц являются представителями Министерства Иностранных дел, несколько других лиц - журналисты и фоторепортеры, а относительно остальных мы так и не поняли кто они. Кроме ЦИЦ и лиц из Министерства Иностранных дел, все остальные были в военной форме; а среди нас были в военной форме только представители Финляндии и Дании, но я не понял были ли они раньше мобилизованы или одели форму только специально для этой миссии. От всех делегатов я понял, что их отъезд произошел весьма срочно по приказу их правительств.

В пути была остановка на аэродроме в Варшаве, где мы обедали. Некоторые из делегатов пожелали посетить Варшаву, но в этом нам было отказано, ввиду отсутствия времени. К вечеру, еще засветло, мы прибыли в Смоленск. На аэродроме нас встретил главный военный врач Смоленского сектора - генерал ГОЛМ и профессор судебной медицины в Бреслау БУЦ (Bütz) и его помощники. БУЦ был военным судебным врачом Смоленского сектора. Он и его помощники работали по вскрытию Катынских могил.

Нас устроили ночевать в Смоленске, а Катынский лес находился около 20 км. от Смоленска. Все делегаты квартировали в бывшей гостинице "МОЛОХОВ", превращенной в дом для военных лиц. Обстановка была военная: нары без белья, на соломенном матраце, только одно одеяло. Я случайно на-

ходиллся в одной комнате с профессором Гайек из Праги и с доктором Биркле из Бухареста.

Немедленно после приезда в гостиницу профессор БУЦ (Butz) нас предупредил, что мы находимся в военной зоне и поэтому не имеем права передвигаться по городу без сопровождения германского военного лица, а также не имеем права входить в контакт с местным населением. В противном случае нас может арестовать военная полиция и трудно будет установить где мы задержаны, может пройти несколько дней пока нас освободят. Это создало у всех нас тягостное ощущение того, что нас рассматривают, как пленников. И действительно, мы не могли связаться ни с кем из местных жителей, а по городу ездили только на автобусе.

На следующее утро, т.е. в первый день нашего пребывания в Смоленске, нас отвезли на автобусе в Катынский лес. Лес был недоступным для посторонних лиц, охранялся военными постами, и при входе в шоссе стояла надпись, что вход запрещен даже для немецких военных лиц, за исключением тех, кто включен в команду.

Автобус въехал в лес и высадил нас перед самыми могилами. На этом месте находилось чрезвычайно большое количество немецких военных лиц и русских пленных, а также местное население. Они именно производили работу, т.е. вытаскивали трупы из открытых могил, рыли новые могилы, большие ямы, и хоронили трупы. Нам сказали, что там работает какая то миссия из польского красного креста, которая старалась опознать трупы. Эта миссия состояла из нескольких гражданских лиц, об одном из которых нам сказали, что он был ассистентом судебной медицины в Кракове. Это был молодой человек, имени его я не знаю. Позже мне удалось его спросить, как он считает, сколько должно быть трупов, на что он мне ответил, что должно быть их около шести тысяч (6.000). Немедленно после этого он быстро отошел от меня и у меня осталось впечатление, что он боится продолжать разговор.

34

Профессор БУЦ (*Batz*) провел нас и показал нам три-четыре раскрытых больших могильных ямы, в которых трупы были сложены, как сардины. Он показал нам также просеки в окрестном лесу, засаженные молодыми деревцами. Он считал, что в этих местах также находятся могильные ямы. До нашего прибытия было вытасчено больше чем 800 трупов. Часть из них была уже сложена в новые, большие ямы, еще не зарытые, а другая часть оставалась на открытом месте. Показали нам также и две отдельные свежие могилы, где были снова похоронены трупы двух вырытых генералов.

При этом первом посещении под стражей привели несколько человек местных жителей. Нам сказали, что это "свидетели". С двумя из этих людей говорил профессор ОРЗОШ на русском языке (ОРЗОШ сказал, что он изучил русский язык, будучи пленным во время первой войны). Они сказали, что видели много дней подряд прибывающие с близлежащей станции грузовики, нагруженные людьми и что затем слушали выстрелы в лесу, но вход посторонних лиц в лес был запрещен. После этого короткого разговора, который не протоколировался, "свидетели" были быстро удалены и мы их больше не видели.

После этого нас увели завтракать в деревянный дом - вилла - на берегу Днепра, где находился какой то штаб полка.

После завтрака мы поехали на автобусе обратно в Смоленск. Неподалеку от Катынского леса автобус остановился перед деревянным домиком, расположенным около шоссе. На веранде перед этим домиком было расположено несколько витрин. БУЦ нам об"яснил, что здесь выставлены вещи и бумаги, найденные в одежде вырытых трупов. Этими вещами доказывалось, что давность трупов определяется временем до прихода немцев. Эти бумаги мы видели в таком виде, как они были нам представлены, но, конечно, никто из нас не мог сказать ничего об их достоверности, так как это вообще не было медицинским делом.

После этого мы вернулись в Смоленск, поздно пообедали и после обеда отдыхали.

Однажды, когда мы остались с профессором Гайек одни в своей комнате на короткое время, мы смогли обменяться впечатлениями насчет того, что все это дело выглядит чрезвычайно неясным и что германский тезис остается недоказанным, потому что только по состоянию трупов нельзя точно сказать сколько времени тому назад наступила смерть, а "документы", на которых основывались германцы, могут быть и подложными. Я должен сказать, что документы могли быть подложены в одежду трупов задолго до нашего прибытия или, по всей вероятности, еще при самом зарытии трупов, потому что все хорошо слежалось, трупы слеплены и не имели вид, чтобы их за последнее время трогали.

В этот первый день к вечеру нас повели осмотреть военную больницу, где нам показали некоторые интересные случаи (сыпной тиф, туляремия и др.), и там нас оставили ужинать.

Ни с кем из других делегатов, кроме Гайека, я не мог обменяться впечатлениями о расследовании, так как мы ни на минуту не оставались одни.

На второй день с утра нас опять отвезли автобусом к могильным ямам. Здесь мы увидели заготовленные деревянные столы для вскрытия и инструменты. БУЦ предложил делегатам сделать вскрытие, указав какой труп взять из ямы. Были взяты трупы, конечно, из уже разрытых ям. Я взял труп находившийся в верхнем слое, слипшийся с другими. Другие делегаты тоже взяли трупы из раскрытых ям, но я не видел точно из каких мест. Я не заметил откуда ОРЗОШ взял трупы которые он вскрывал.

Я уже имел вышеуказанные основания сомневаться во всем деле и поэтому был крайне сдержан при единственном вскрытии, которое должен был сделать. Я отметил, что "труп одет в форме польского лейтенанта", чем хотел сказать, что у меня нет возможности установить действитель-

но ли это польский лейтенант. Одежда была хорошо застегнута, прилипшая. В одежде нашлись некоторые бумаги. Поскольку могу вспомнить, это было удостоверение личности и еще что-то. Некоторые из присутствующих поблизости немцев пожелали, чтобы я рассмотрел и описал бумаги. Я уже заметил, что немцы хотят доказать свой тезис подобными "документами" и поэтому нарочно избегал заняться этими бумагами, сказав, что это не врачебное дело. Бумаги взяли немцы, положили их в конверты и я продиктовал машинистке запись в моем протоколе только о том, что были найдены документы, положенные в конверте за № трупа (каждому вынутому трупу вешали номер).

При описании трупа я был по-возможности более краток и воздержан, отмечая только видимое состояние органов, не давая никакого толкования. Пока я описывал органы, люди, которые скопились вокруг меня, перешли к другим столам, где шло вскрытие, и я мог закончить свой протокол, не давая никакого заключения. Машинистка убрала протокол и немцы не заметили, что я его оставил без заключения, это они заметили гораздо позже, когда подбирали материалы для печати. Тогда они мне послали в Софию протокол в двух экземплярах с требованием дополнить его. Я, однако, вернул им протокол снова без заключения и они были вынуждены напечатать его в своей книге без заключения. Экземпляр этого протокола остался у меня из тех двух экземпляров, которые мне прислали, и я представил копию и болгарский перевод этого протокола.

Таким образом, я создал первую трещину в той книге, которую немцы издали по случаю "Катыни". Каждый, кто внимательно просматривал эту книгу, не мог не заметить, что в ней имеется протокол вскрытия, автор которого воздержался дать заключение и не мог не понять, что при тех обстоятельствах, когда приходилось действовать при военном нажиме и надзоре, это мое воздержание имеет значение особого мнения и показывает, что я не был согласен с немецким тезисом. И я затем с радостью слышал, что в Со-

фии говорилось о том, что я был при особом мнении, что свидетельствовало, что и в нашем обществе мотивы моего поведения в этом деле были правильно поняты.

Я пошел на это ввиду всего того, что до этого возбудило у меня сомнение в верности германского тезиса, а именно: то обстоятельство, что требовали от нас мнения по такому крупному вопросу, а устроили нам только одно "посещение", при котором мы только 2 неполных дня были на лобном месте; то обстоятельство, что нас поставили в рамки строгой полицейской изоляции в отношении местного населения; то обстоятельство, что отняли у нас всякую инициативу в работе и мы должны были, якобы, производить расследование, а на деле все шло по германскому плану и под их руководством; то обстоятельство, что "свидетели" были подготовлены, "подобранны", а не мы сами нашли их среди населения; то обстоятельство, что и с этими "свидетелями" наша связь была совершенно ограничена; то обстоятельство, что добивались от нас, медиков, заключения посредством "документов", а не с помощью медицинских данных; то обстоятельство, что эти "документы" были предварительно подготовлены и выставлены в витринах и нам было только дозволено мимоходом на них посмотреть и, больше всего, то обстоятельство, что от нас требовалось заключение о тысячах трупов, а позволили нам обследовать непосредственно только несколько трупов, причем каждый из делегатов в отдельности вскрывал только один-два трупа.

Все эти обстоятельства создали у меня убеждение, что, согласно предварительно подготовленному плану и путем военно-полицейского нажима немцы пытались уверить нас в правоте своего тезиса и превратить нас в научных защитников и пропагандистов этого тезиса. Это привело меня к убеждению, что здесь мы имеем дело с инсценировкой, требующей общественного подтверждения. Потому что правое дело не нуждалось бы в таких предварительно устроенных и на скорую руку проведенных действиях, якобы, выглядевших, как научное расследование.

Убеждение, что передо мной находится инсценировка - обусловило все мое поведение или, вернее, всю мою сдержанность^В этом деле. Только на основании этого я упорно не желал оказывать услугу германской пропаганде какой бы нажим не осуществляли на меня для этого, причем в такое время, когда немцы были еще в апогее своей мощи.

Какое было мнение других делегатов, извлекли ли они также то же самое убеждение, я не знаю, но, судя по их подавленному настроению и той мрачной полицейской атмосфере, окружавшей нас, я считаю, что они также поняли, что путем насилия, ограничения и предварительной подготовки преследовалась цель сделать нас общественными гарантами неправого дела, если оно нуждается в таких средствах. Я верю, что для всех должно быть стало очевидным бессилие немцев представить нам неоспоримые доказательства того, что "Катынь" является русским делом.

Возвращаясь к хронологическому развитию вещей, я должен сказать, что по окончании вскрытия попытался начать разговор с молодым, 18-19 летним русским, работавшим там, и который поливал мне воды, чтобы помыться. Заговорив с ним на болгаро-русском языке и сказав ему, что я славянин, он обрадовался и сказал мне, что слышал о Болгарии. Однако, немедленно к нам подошел один из военных немцев, посмотрел на него и юноша замолчал. Я понял, что им запрещено связываться с нами и, чтобы ему не повредить, замолчал и я, так как была "свобода", в условиях которой проходило наше "расследование".

Перед отездом обратно в Смоленск ОРЗОШ сказал, что нашел очень важное изменение и что он нам его продемонстрирует на предвидевшейся после обеда общей конференции делегатов. Он взял с собой череп, поскольку я понял, это был череп вскрытого им трупа. Он взял также несколько маленьких деревьев (сосен), растущих поверх еще неразрытых ям.

Я должен сказать, что за все время, пока мы находились на месте могил, а также и за все время нашей поездки, нас непрерывно фотографировали. Это было неприятно для

нас всех, потому что было очевидно, что это делается в целях пропаганды, но никто из нас не мог этого избежать. Эти снимки затем использовались в пропаганде без нашего ведома. Эти снимки, однако, ничем не подкрепляли германский тезис. Они только показывали, что действительно существуют ямы с трупами, но ни в меньшей мере не устанавливали происхождение этих трупов. То обстоятельство, что немцы могли использовать в своей пропаганде только эти, ничего не доказывающие снимки, лучше всего свидетельствует, что они не могли получить от нашего посещения научное подтверждение их тезиса и нужно было использовать только поверхностный эффект этих снимков, которые не импонировали мыслящему гражданину и не убеждали его.

Конференция делегатов, о которой я упомянул выше, состоялась в тот же день после обеда в здании военной лаборатории профессора БУЦА. Председательствовал генерал доктор ГОЛМ, а руководили ею профессор БУЦ и профессор ОРЗОШ. Секретарем была личная секретарша профессора БУЦА, но никто не видел, какой протокол этого "заседания" она составила. Присутствовали также все наши многочисленные спутники-дипломаты, журналисты и лица, о которых мы не поняли кто они; как ирония прозвучали слова БУЦА, сказавшего, что они, немцы, в сущности, не принимали участия в "заседании", а присутствовали только, как хозяева!

При проверке делегатов доктор КОСТЕДУА (*Costedoix*), представитель Франции, заявил, что он послан лично Лавалем только, как наблюдатель.

При проверке чешский делегат профессор ГАЙЕК также сделал демонстрацию. Когда попытались отметить, что он профессор пражского университета, он потребовал вписать "бывшего пражского университета". Генерал ГОЛМ спросил остро: "почему бывший"? "Потому что университет закрыт", - ответил ГАЙЕК. Наступило тяжелое молчание, прерванное ГОЛМОМ, который сердито сказал секретарше: "Пишите от пражского университета". Затем в нашей комнате ГАЙЕК сказал мне, что университет был закрыт немедленно после немецкой оккупации, студенты и персонал были разогнаны или арестованы, а лаборатории и библиотеки были переданы немецкому универси-

тету. Сам Гайек и его сыновья зарабатывали на жизнь случайной работой и жили в нищете, что, впрочем, видно было по его одежде. Он был силой направлен германскими властями в качестве "чешского делегата". Демонстрация, которую он сделал, была скромной, но там на фронте перед глазами германской военной полиции нельзя было сделать больше того, что он сделал, и что сделал я, оставив демонстративно свой протокол без заключения.

На конференции ОРЗОШ показал наслоения кальция на внутренней стороне черепа, который он принес из могильных ям, и утверждал, что, согласно его предыдущим наблюдениям, такие наслоения образуются за время не меньшее, чем три года. Никто из делегатов ничего не сказал за или против этого его наблюдения. Ясно, что никто из них не имел личного опыта по этому вопросу. Позже в Софии я получил от ОРЗОША экземпляр его научной работы по этому наблюдению, написанной в Венгрии в 1940 году на основании материала, наблюдаемого и собираемого им на протяжении ряда лет. Эту брошюрку я представил дирекции милиции, когда меня задержали.

БУЦ зачитал проект протокола, подготовленного им до этого вместе с ОРЗОШОМ. Так как в нем говорилось о возрасте деревьев над трупными ямами, некоторые из делегатов потребовали, чтобы этот вопрос был предоставлен решению сведущего о лесном деле лица. Немцы привели одного немца, военного специалиста в лесном деле, который высказал мнение на основании количества колец стебля, что это, примерно, пятилетние деревья, которые были пересажены на третьем году.

Имели место и некоторые другие мелкие обсуждения, но мы все с облегчением увидели, что протокол не стремится установить время смерти по чисто медицинским данным, только дает описание того, что нам было показано и как мы исследовали трупы. Время смерти ставилось в зависимости от показанных нам бумаг и от свидетельских показаний, но в отношении их достоверности мы не высказывались, а только установили, что такие бумаги и свидетели нам были представлены. В конце нам сказали, что БУЦ и ОРЗОШ подготовят окончательный протокол и вечером к ужину он будет подпи-

сан. Мы ужинали в той же больнице, где были в прошлый раз. Ужин длился долго, допоздна, с тем, чтобы дождаться протокола, однако, нам его не предложили на подпись. От некоторых делегатов (италийнский профессор Палмиери и др.) я слышал, что немцы недовольны протоколом и велись телефонные разговоры с Берлином. Это еще раз свидетельствовало о том, что у нас не было свободы действий.

На следующее утро мы выехали из Смоленска, не подписав протокол. Некоторые из делегатов даже думали уже, что не будет никакого протокола.

Смоленск мы оставили 1 мая, это я помню потому, что пока мы ожидали автобус, перед гостиницей прошли несколько мрачных групп детей и взрослых, окруженных, как пленные, германскими военными. Нам сказали, что их ведут на стадион, где, якобы, будет праздноваться 1-е Мая! Снова кое-кто из делегатов пожелал остановиться в Варшаве. Нам сказали, что "по военным соображениям" невозможно сойти в Варшаве и мы сошли на маленьком аэродроме Бела, восточнее Варшавы. Здесь мы обедали в военной столовой, и неожиданно перед нами разложили на столе протоколы и пригласили нас подписать их. Перед этим БУЦ зачитал скороговоркой протокол, но я не могу сказать был ли он вполне одинаков с тем, что нам зачитывали в Смоленске. По алфавитному порядку государств, которых мы представляли, я должен был подписать вторым после Бельгии, После меня подписала Дания. Подписывание состоялось на скорую руку в чисто военной атмосфере и при чрезвычайно подавленном настроении, никто из делегатов не сказал ни слова. Зал был заполнен германскими военными, пришедшими посмотреть на это " событие ". Каждый чувствовал, что не может оказать никакого сопротивления.

Все-же у меня было сознание, что протокол, который мы подписали, не содействовал ничем немецкому тезису. Напротив, он плохо подтверждал немецкий тезис и из него ясно было видно бессилие немцев доказать с помощью нас свой тезис об " объективных научно-медицинских данных ". Немцы хо-

тели нас убедить с помощью документов и свидетелей. Протокол устанавливал, что они были нам показаны, но никто не мог требовать от нас, медиков, установить их достоверность. Экспертиза насчет деревьев была вписана в протоколе так, как ее депозировал германский эксперт. Мы также не могли составить мнение о ее достоверности, так как это не было в нашей компетенции. Я думаю, что даже в таком виде, какой она является, эта экспертиза о деревьях, безусловно, говорит не в пользу германского тезиса. Существенным в этой экспертизе было подтверждение, что деревья были пересажены на третьем году. Эксперт, однако, не установил в каком месяце имела место эта пересадка. Следовательно пересадка могла иметь место в любой месяц года, а может быть в пределах и большего промежутка времени, потому что мы знаем, что биологические явления, (в частности, узкое, темное кольцо на разрезе стебля), по которым эксперт установил, что имела место пересадка, не протекают с математической закономерностью, а находятся в зависимости от почвы, влаги, температуры и пр. Раз пересадка могла произойти в течение такого большого промежутка времени, за который произошел захват немцами Смоленской области, то нельзя сказать только на основе вышеуказанного темного кольца стебля - произошла пересадка при русских или при немцах.

В протоколе не было медицинских данных, по которым можно было установить давность трупов. Они достигли частью состояния мецерации, частью мумификации и образования нерастворимого мыла (т.н. адипоцира). В этом состоянии изменения трупов уже неуловимы. Давность этих трупов может составлять и два, и три года, и больше, и меньше этого. ОРЗОIII являлся единственным, кто попытался внести большую точность при определении времени смерти, основываясь на своем наблюдении о кальциевых отложениях в черепе. Я считаю, однако, что и это его утверждение не решает вопроса в пользу немцев. Прежде всего его наблюдения делались в Венгрии, а мы находились в Смоленске. Растворение и наслоение кальциевых и др. солей наверное находится в зависимости от климатических условий, свойств почвы, осадков, под-

почвенных вод, кислотности воды и пр.. Толстый слой трупов в больших Катынских могилах также, может быть, играет роль. Остается, значит, установить научными наблюдениями образуются ли в Смоленских условиях эти отложения, которые ОРЗОШ назвал псевдокапус, также не менее чем за три года, как это установил ОРЗОШ в Венгрии. С другой стороны, нужно было бы установить также и количественное различие в этих отложениях, т.е. различать их по толщине, потому что, очевидно, они не могут образовываться сразу, а образуются постепенно и со временем утолщаются.

Самым важным соображением, однако, в связи с которым нельзя считать, что наблюдение ОРЗОША разрешает вопрос о давности Катынских трупов, является то, что в Катыне он не произвел массовых наблюдений и исследований, а нашел свой псевдокапус только в одном, двух черепах, которые, даже если они аутентичны, не являются достаточным основанием, чтобы согласиться с тем, что то же самое будет найдено в остальной массе трупов. Другие делегаты не нашли подобное явление в трупах, которые мы вскрывали, даже БУЦ и его помощники, которые до этого там работали, не сказали, что они констатировали подобное явление.

Следовательно наблюдение ОРЗОША остается его мнением, нуждающимся в подтверждении путем массовых наблюдений при Катынских условиях. И мнение ОРЗОША записано в протоколе только как его мнение, так же, как включают научные цитаты, без того, чтобы кто нибудь из других делегатов высказался по этому вопросу.

По всем этим соображениям я считаю, что протокол не поддержал германский тезис и даже был доволен, что его опубликовали, чтобы люди могли видеть, что чисто медицинское исследование не поддержало утверждение немцев.

Все то, что я видел и пережил до этого, подтвердило мое убеждение, что немцы не правы и напрасно пытаются нас убедить. Это определило мое дальнейшее поведение, вопреки нажиму, воздерживаться от всякой агитационной дея-

тельности в пользу германского тезиса.

Еще в Смоленске, некоторые из журналистов, которые ездили с нами, хотели услышать мое мнение, но я избежал этого. На следующий день в Берлине на приеме после обеда, устроенного министром здравоохранения, одна журналистка, которая уже интервьюировала других делегатов, обратилась ко мне и сказала мне, что хочет разговаривать также и со мной. Чтобы избежать этого я втихомолку ушел из зала.

В Берлине мы были приглашены ЛИЦОМ выступить по радио для своих стран по Катинскому делу, некоторые из делегатов выступили, но я отказался под предлогом, что сначала я должен докладывать в нашем министерстве иностранных дел.

В Берлине мы провели только один день и на второй день я выехал в Софию. В Софии я явился к главному секретарю ШИШМАНОВУ и передал ему протокол и несколько снимков - эти снимки нам роздали немцы. Никакого другого доклада я не делал в связи с этим делом, от меня его и не требовали.

Я считал, что этим закончил свою миссию. Однако, через день, два меня вызвали по телефону из Управления радио София, не сказав кто говорит, и пригласили меня выступить с радиодокладом по Катинскому делу. Я отказался, однако, лицо, говорившее со мной, сказала мне, чтобы я подумал и что он снова позвонит. На следующий день действительно меня снова вызвали, но я опять отказался и меня больше из управления радио не искали.

Затем мне звонило лицо, которое тоже не назвало своего имени, и пожелало направить ко мне журналистов, перед которыми я должен был сделать заявление по Катинскому делу для официозов "Вечер" и "Днес". Я снова отказался и больше меня журналисты не искали.

После этого мне звонил в больницу доктор национальной пропаганды Коцев. Он мне заявил, что моим долгом является сообщить болгарскому обществу о Катинском деле по радио и в печати. Я категорически ему отказал, заявив, что считаю свою миссию законченной, что я уже передал про-

45

токол в Министерство иностранных дел и они властны сделать что им угодно, но я не делаю больше заниматься этим делом. КОЦЕВ недоволен что-то пробурчал и, не настаивая больше, повесил трубку.

Прошло почти около 10 дней после моего возвращения и видно немецкая миссия потеряла терпение в связи с тем, что я не выступал перед общественностью. Тогда начал меня искать по телефону дома и в больнице советник миссии МООРМАН. Я упорно скрывался и по телефону не отвечал, но, в конце концов, МООРМАН послал человека, который меня нашел в больнице. У него был вид тайного немецкого полицейского и он настоял, чтобы я позвонил МООРМАНУ. Я ему позволил и тот мне сказал, что я должен информировать нашу общественность по Катынскому делу через печать, радио и путем докладов. Я ему ответил, что в Берлине перед отъездом в Смоленск нам сказали, что это не делается в целях пропаганды и даже нам рекомендовали не оглашать этого. Он мне заявил, что получены новые указания из Берлина, что я должен выступить перед общественностью, как это уже сделали другие делегаты, и только я еще не сделал этого; он меня искал еще несколько раз по телефону и всегда настаивал на том же. Так как я ему заявил, что, по моему мнению, это дело не для широкой огласки, то он потребовал, чтобы я выступил хотя бы перед нашими студентами и перед врачебными коллегиями в Софии и в провинции. Я и это отказался сделать и заявил ему грубо, что я был в Катыне не в качестве частного лица, не могу иметь прямых сношений с германской миссией и прошу оставить меня в покое, после этого он в действительности меня больше не искал, но через день-два кто-то сообщил, что я должен явиться в Министерство Иностранных дел. Я понял, что немцы пожаловались на меня. Явился к ШИШМАНОВУ. Он мне заявил, что немцы недовольны тем, что я ничего не сообщаю нашей общественности о Катынском расследовании. Он сказал мне еще, что по политическим причинам протокол опубликовать нежелательно и потребовал от меня доклад, который он собирается опубликовать. Он настаивал на том, что, ^{это}якобы, мой долг и что это является частью моей миссии. Я ему представил совершенно

краткий доклад, в котором не сообщил ничего существенного и не дал никакого заключения о происхождении трупов. Я считал, что этот доклад будет напечатан от имени Министерства. Но ШИМАНОВ заявил, что нужно только написать следующее: "Доктор Марков сообщает нам". Таким образом Министерство приписало доклад мне, которого я не представлял. Этот доклад был настолько "скудным", что германофильская "Зора" его не напечатала, а, напротив, напечатала его "Заря". Он наверное не удовлетворил и немцев и они, вероятно, настояли на том, чтобы напечатать весь протокол. Через несколько дней я видел в газете "Днес" напечатанным этот протокол. Не знаю, кто перевел его на болгарский язык, но у меня сложилось впечатление, что некоторые вещи из него переведены неправильно, и что его заключение усилено в категорическом тоне.

Все мое поведение во время расследования и после моего возвращения вызвало недовольство немцев и обо мне начали говорить, что я масон и т.п. Я, наоборот, был доволен, что помешал немцам и нашим фашистам провести научно-обоснованную пропаганду у нас по Катынскому делу и не помог делу, будучи убежден, что оно не правое. Моя сдержанность, вероятно, заставила не мало людей, знающих меня, понять, что дело не выглядит так, как утверждают немцы. Когда через два-три месяца появилась необходимость послать снова судебного медика в качестве болгарского делегата в Винницу, то с германской стороны категорически было заявлено, что они не желают, чтобы был послан я, хотя в Винницу были отправлены ОРЗОШ, БИРКЛЕ и др., которые были также в Катыни. Доктор Дрексель, руководитель национал-социалистов в Болгарии, сказал тогда, что немцы недовольны мною и не желают, чтобы я был отправлен в Винницу. Это он заявил перед нашим профессором КАДАНОВЫМ и последний подтвердил это в письме, оригинал которого я представил в национальный комитет Отечественного фронта, а копию также представил и сюда. По этому случаю имели место разговоры между полномочным министром САРАФОВЫМ, главным секретарем Министерства Иностранных дел, и министром Бекерле и доктором Барге из германской миссии. Вопреки тому, что министерство иностранных дел два

42

раза предлагало мою кандидатуру, Немцы и Бекерле, лично, категорически заявили, что они не желают, чтобы я был отправлен в качестве болгарского делегата в Винницу. Это свидетельствует, что они отлично поняли мое отрицательное отношение к их тезису по Катынскому делу и тот вред, который я им причинил своим поведением. Комитет Отечественного фронта при медицинском факультете затребовал копию стенограммы этих разговоров между Сарафовым, Бекерле и Берге и представил оригинал этого письма в национальный комитет Отечественного фронта. Копию я представил также и сюда.

Такова история моей насильственной отправки в Катынь. Теперь я вижу, что было бы лучше, если бы я устоял против насилия таких людей, как ГЮРОВ, которые были готовы всячески злоупотреблять властью, чтобы угодничать своим германским хозяевам. Сопротивление до конца наверное повлекло-бы мое увольнение, суд и тюремное заключение, но зато теперь я бы не был виноват перед болгарским народом и Великой Освободительницей! Я об"ясняю свое тогдашнее поведение тем, что я не был подготовлен бороться против насилия нелегальными средствами. Я не был воспитан в борьбе. Мое слабое здоровье, когда я был студентом, оставило меня в стороне от борьбы свободолюбивого студенчества, а затем я провел всю свою жизнь в научных лабораториях. И когда я столкнулся с большим насилием по отношению ко мне, я мог оказать только легальное сопротивление, а оно оказалось недостаточным перед беззастенчивыми насильниками. У меня не было также преданных товарищей или организации, на которых я бы мог опереться.

Только позже, когда я увидел, что хотят меня превратить в защитника неправого дела, моя врожденная правдивость дала мне силу противостоять и я оставил свой протокол без заключения, устояв против нажима вести пропаганду. Мои насильники не отправили меня тогда в концлагерь, наверное только потому, что подобный поступок ярчайшим образом показал бы общественности, что я не согласен с германским тезисом.

В моем нынешнем положении повинны те, кто распространил насилие и разрушение по всей Европе, кто совершает жестокости, обвиняя других, кто поджог свой, ненужный им уже, рейхстаг и использовал это для преследования коммунистов, и кто покрыл Европу ямами, заполненными трупами!

Но я все-же надеюсь, что моя трагедия будет понята и что мне будет предоставлена возможность принять скромное участие в новой, свободной жизни болгарского народа и прошу об этом!

Вышеизложенное написал собственноручно:

(подпись -доктор М.Марков)

Забыл упомянуть, что мы, персонал медицинского факультета, были мобилизованы по гражданской мобилизации. Это полностью ограничивало мою свободу действия и лишало меня возможности любого легального сопротивления, когда ГЮРОВ насильно возложил на меня задачу выехать в Катынь в качестве болгарского делегата. При этом прошу иметь в виду, что Министерство Иностранных дел обратилось ко мне не как к частному врачу, а возложило Катынское расследование на врачей-судебно-медицинского института по служебной линии, в связи с их компетентностью. Поэтому первоначально эта задача была возложена на директора института - профессора МОСКОВА, а после его бегства и телеграфного его указания, эта задача в порядке очередности была возложена на меня. Я был, следовательно, в положении граждански-мобилизованного чиновника, на которого, по приказу главы правительства и по указанию шефа учреждения, возлагалась служебная задача и у меня не было никакой легальной возможности избежать ее.

Вышеизложенное написал собственноручно:

/подпись -доктор М.Марков/

Отп. З жз.
28. III. 46г.
ТД.

СОВСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
доктора Марко АНТОНОВА МАРКОВА

Я, доктор Марко АНТОНОВ МАРКОВ, врач, доцент судебной медицины на Медицинском Факультете, 44 лет, родился в г. Нова-Загора, проживающий в Софии, ул. Ангел Кьнчев, 4, показываю следующее:

Моя отправка в качестве болгарского делегата в Катынь произошла следующим образом: в последние дни перед пасхой прошлого года, профессор И. МОСКОВ, директор Судебно-Медицинского института выехал в свой родной город в Севлиево и оставил меня его замедать. Он мне сказал, что уезжает в Севлиево для проведения там пасхи. Впоследствии, однако, я узнал от самого профессора МОСКОВА, об этом же говорилось и в других местах, что на него сильно нажимали, чтобы отправить его в Катынь. Этот нажим делался Министрами ФИЛОВЫМ и ЙОЦОВЫМ. ФИЛОВ обратил его внимание на то, что первоначальное приглашение превратилось в приказ, а ЙОЦОВ предупредил его, что если он откажется, то это будет иметь тяжелые последствия. Не имея возможности противостоять этому нажиму, профессор МОСКОВ сбежал в Севлиево, не предупредив меня об этом деле.

В предпоследний рабочий день перед пасхальными праздниками, когда я был на работе в больнице, мне сообщили, что меня ищут по телефону из Министерства Иностранных Дел. До этого момента я не знал, что нужен судебный врач в качестве болгарского делегата в Катынь. По телефону со мной разговаривал доктор ГЮРОВ, секретарь министра ФИЛОВА, заявив мне, что по приказу министра-президе

та я должен выехать в Катинь в качестве болгарского представителя в медицинскую Международную Комиссию, которая будет обследовать найденные там трупы. Почти инстинктивно я подумал, как бы мне избавиться от этой миссии, Я не мог сказать, что я больной, потому что меня нашли на работе. Поэтому я ответил ГЮРОВУ, что не могу выехать, потому что меня оставили замещать директора института профессора И.Москова. С этой позиции, однако, меня немедленно сбило возражение ГЮРОВА, о том, что как раз директор института в своей телеграмме из Севлиево в Министерство Иностранных дел указал на меня, как на своего заместителя в этой миссии, потому что он сам не мог поехать. Оставался только один рабочий день ^{х)} перед пасхой и доктор ГЮРОВ распорядился, чтобы я приехал к нему для урегулирования вопроса о моем паспорте. Я пошел в Министерство все еще с решением и надеждой, что смогу уклониться от этого дела.

В Министерстве меня принял доктор ГЮРОВ, которому я сказал, что не желаю принять на себя эту миссию, но он мне показал телеграмму профессора МОСКОВА и настаивал на том, что раз МОСКОВ не может, то я должен поехать. Отказ и бегство МОСКОВА ввали у них раздрожение и со мной не очень церемонились. При этом как уже сказано, оставалось только половина дня и даже если бы они хотели, они не могли привезти МОСКОВА из Севлиево из-за отсутствия времени. Поэтому они не хотели упустить меня, который был в их руках. Вопреки этому, я спросил, является ли это приказом или приглашением, на что ГЮРОВ ответил, что это приказ. Я пошел дальше и спросил какие будут последствия, если вопреки этому я откажусь. Тогда ГЮРОВ мне ответил, что

х) Прим.переводчика: В оригинале сказано "рабочий полдень", т.к. в предпраздничные дни работают только полдня.

мы находимся в войне и у правительства имеются способы отпра-
вить меня куда ^{он}находит нужным. Я понял это, как угрозу мобили-
зовать меня и понял, что в положении военного лица мне будет
еще тяжелее. После моего возвращения из Смоленска, когда требова-
ли от меня вести пропагандистскую кампанию путем докладов и ра-
дио, я был благодарен, что не довел дело до мобилизации, потому
что, как гражданское лицо, я все же мог противостоять этому на-
жиму и не вести пропаганду.

Доктор ГЮРОВ меня послал к главному секретарю министерства -
полномочному министру Д. ШИМАНОВУ. Он мне повторил то же самое
- что по приказу Министра-президента я должен выехать в Катынь.
Там было найдено несколько тысяч трупов, которые должны ^{были} быть об-
следованы Международной Медицинской Комиссией. Я ухватился за
то обстоятельство, что дело идет о тысячах трупов и снова попы-
тался увильнуть от этой миссии, сказав министру ШИМАНОВУ, что
для обследования нескольких тысяч трупов нужны целые месяцы вре-
мени, но он мне ответил, что не будет необходимости дожидаться
чтобы вырыли все трупы, что уже часть трупов вырыта, что только
произойдет осмотр сделанного до этого и будет составлен протокол,
который я подпишу в качестве болгарского делегата, и что моя
поездка не будет продолжаться больше 10 дней. Он подчеркнул,
что поездка будет короткой, потому что я заявил, что никоим об-
разом не могу оставить свою университетскую работу на длитель-
ное время. Он мне заявил, что Министерство напишет университет-
ским властям, что я выезжаю по приказу министра-президента, по
указанию моего шефа. Это он действительно сделал. Письмо нахо-
дится в деканате Медицинского факультета и я представил его ко-
пию в Комитет Отечественного фронта при Медицинском факультете
и в Национальный Комитет Отечественного фронта.

Видя, что я не желаю взять на себя эту миссию, ШИМАНОВ начал меня успокаивать словами, что Министерство часто направляет профессоров соответствующей специальности в Международные Комиссии, что он понимает мою щепитильность, как университетский преподаватель, потому что он происходит де из профессорской семьи, но твердо мне заявил, что^я не могу уклониться от этой миссии.

ШИМАНОВ вошел в соседнюю комнату, чтобы сообщить министру ФИЛОВУ, что я здесь, но затем вернулся и сказал, что министр-президент не будет меня принимать.

До обеда оформили мой паспорт (специальный паспорт) и в понедельник я выехал в Берлин, а оттуда в Смоленск и Катинь. Там был составлен известный протокол, подписанный всеми делегатами. Я подписал вторым по алфавитному порядку стран, представляемых нами. Протокол был подготовлен в Смоленске, а был подписан при обратной поездке на аэродроме Бела в Польше. Единственные данные медицинского характера в этом протоколе, свидетельствующие, что давность трупов составляет более чем три года, были наблюдения венгерского профессора Орзоша насчет кальциевых отложений в черепе. Это утверждение Орзоша было вписано в протокол, как его мнение и никто из делегатов не сказал ничего за или против, по этому его мнению, потому что не было у нас наблюдения по этому вопросу. Затем Орзош нам разослал по экземпляру своего научного труда, написанного до Катинского случая, которым хотел доказать правильность своих наблюдений. Этот экземпляр (на венгерском языке) я принес вчера, когда был задержан в Дирекции милиции и прошу, чтобы он был приобщен к делу.

Вопрос о возрасте деревьев, найденный на поверхности могильных ям, был рассмотрен сведущим лицом, немцем, и его мнение было вписано в протокол таким, как он его депозировал.

Немцы старались больше всего насчет данных немедицинского характера (свидетели и бумаги, найденные в одежде трупов).

Отправленный насильно и не желая услужить немцам, я сделал все, что мог, чтобы помешать их работе. Когда нам дали по трупу для вскрытия (некоторые вскрывали по два трупа), и когда начал служащий вынимать некоторые мелкие бумаги из карманов, мне предложили сделать опись этих бумаг. Чувствуя, что центр вопроса, т.е. о давности трупов, перебрасывается на подобные документы, я отказался от их изучения и описания, и они их сохранили в конверте за № трупа, как поступали и с остальными бумагами. Это записано в моем протоколе.

Описание трупа, сделанное мной было крайне ограниченным и в книге, изданной позже немцами по Кафнскому случаю, мой акт самый короткий. То, что является самым важным, это отсутствие всякого заключения в моем акте. Впоследствии немцы послали его мне в Софию для дополнения, но я отказался, и они его напечатали в своей книге без заключения, что чувствительно и непоправимо повредило ценности этой книги к неудовольствию немцев.

Еще, как только возвратились в Берлин, мы были приглашены выступить по радио, для своих родных стран, но я отказался, тогда как другие делегаты выступали.

После прощального обеда в гостинице "Адлон", я заметил, что одна журналистка интервьюирует делегатов. Когда она разговаривала с одним из них, она обратилась так же и ко мне, заявив, что

хочет поговорить и со мной. Поэтому, не попрощавшись, я быстро ушел с приема и не дал интервью.

Как полномочный министр ШИМАНОВ, так и немцы нас заверяли, что они не желают вести пропаганду, а хотят только показать, как обстоит дело. До нашего отъезда в Смоленск нам рекомендовали в Берлине не говорить по этому вопросу с другими лицами. Когда я прибыл в Катынь и увидел, что мы окружены толпой фоторепортеров, непрерывно щелкавших (снимавших), я понял, однако, что дело будет оглашено. Еще до своего возвращения в Болгарию, я увидел в немецких газетах, опубликованный протокол. Несмотря на это, вернувшись в Болгарию, я передал протокол и несколько снимков от трупных ям /эти снимки нам роздали немцы/ министру ШИМАНОВУ, и на этом я считал свою миссию законченной. Никакого ни устного, ни письменного доклада, я не давал, да и не требовали от меня этого.

После того, однако, начали нажимать, чтобы я вел пропаганду. Сначала меня вызвали из радио София по телефону с предложением выступить по радио. Лицо, вызвавшее меня не назвало своего имени, но сказала, что говорит от имени Управления ради. Так, как я отказался, лицо это заявило мне, что это является моим гражданским долгом, предложило мне подумать^и сказала, что позвонит мне снова на следующий день, в котором часу я буду выступать. Несмотря на то, что я дважды отказался, это лицо позвонило мне на следующий день, но я снова отказался и больше меня не разыскивали из радио управления.

Официозы "Днес" и "Вечер" поделали направить ко мне журналистов, чтобы получить интервью, но я категорически отказался.

Тогда мне позвонил директор национальной пропаганды КОЦЕВ и потребовал от меня выступить по радио и написать о Катынском деле, но я отказал и ему, ответив, что как университетский преподаватель не могу и не желаю вести пропаганду.

Вмешалась в дело так же германская миссия в лице ее советника МООРМАНА. Несколько дней подряд он меня искал по телефону на дому и в больнице, но я не отвечал. Тогда он послал ко мне в больницу молодого штатского немца, о котором у меня создалось впечатление, что он полицейский.

Он потребовал настойчиво, чтобы я связался с МООРМАНОМ, так как тот не мог меня найти по телефону. На сей раз я не мог избежать телефонного разговора, и МООРМАН потребовал от меня статьи и выступления по радио. Я отказал, он звонил мне в следующие дни еще несколько раз и, в связи с моим упорным отказом, уменьшил свое требование до выступления только перед врачебными коллегиями в Софии и в провинции. Я и в этом отказал, и, так как он продолжал настаивать, я ему грубо заявил, чтобы он перестал меня беспокоить, так как я не был в Катыни, как частное лицо, и не могу иметь прямые связи с их миссией.

Предлагаю, что немцы пожаловались на меня и меня вызвали в Министерство Иностранных дел. Господин ШИШМАНОВ мне заявил, что в обязанности моей миссии входит также и подготовка короткого доклада по этому случаю, который министерство сообщит печати, потому что германцы сердятся, что ничего не сообщается. Я ему ответил, что протокол находится у них, и они могут поступить так как пожелают. На это он заявил, что это вопрос политики, в связи с чем не желают публиковать протокол. Поэтому я, как человек, знающий это дело должен подготовить для министерства короткий доклад. Я ему подготовил по возможности самое короткое сообще-

ние, не высказав личного мнения по вопросу о том, какой давности трупы, и передал его ШИШМАНОВУ, не написав, что это мой доклад, считая, что министерство его будет печатать от своего имени. Господин ШИШМАНОВ мне заявил, что необходимо написать "Доктор Марков нам сообщил следующее" и дал его печати официальных газет, как мое заявление, хотя я не встречался с журналистами. Это изложение было настолько "скудным", что такие газеты как "Зора", не печатали его, а его напечатала "Заря". Оно наверное не удовлетворило и рассердило немцев и спустя несколько дней я видел, что официозы напечатали протокол. Считаю, что этого потребовали немцы, потому что первоначально ШИШМАНОВ не хотел печатать протокол.

Кто перевел в Министерстве протокол с немецкого на болгарский язык не знаю, но я заметил, что заключение в болгарском тексте было усилено и более категорично, чем в оригинале.

После моего подчеркнутого нежелания принять участие в этой работе, при наличии того факта, что я оставил свой протокол без заключения, и что отказался от любой пропаганды, я вскоре, после этого, слышал, что мною чрезвычайно недовольны, как в наших кругах, так и в германских. Г-н профессор КАДАНОВ, член комитета Отечественного фронта при Медицинском Факультете мне сообщил, что слышал от руководителя националь-социалистов Болгарии доктора Дрексель об этом недовольстве, и что поэтому не пожелал^и меня посылать, когда нужно было послать судебного врача в Винницу. Господин профессор Каданов подтвердил это в письме, которое я представил в Национальный Комитет Отечественного фронта и я прилагаю к сему его копию.

Но большее недовольство мной немцев из-за того, что я помешал их работе, и их нежелание отправить меня в Винницу, лучше всего видно из письма Министерства Иностранных Дел, Полномочного Министра господина САРАФОВА, которое затребовал Комитет Отечественного фронта при Медицинском факультете, и копию которого я представил сюда, а его оригинал находится в Национальном Комитете Отечественного фронта.

В заключение я скажу, что эта миссия была на меня возложена таким способом, что при тогдашних обстоятельствах она была неизбежной, и что я старался не только ^{не} помогать, но даже вредить германскому делу.

Только еще один из делегатов проявил, как славянин, свое нежелание участвовать в этом деле. Это был профессор Гайек из Праги. Он тоже был насильно отправлен немцами, как я понял из его слов, так как мы в Смоленске ночевали в одной комнате. Когда отметили его присутствие, как представителя Чехии, от пражского университета, он перед всеми делегатами заявил протест, что университет в Праге закрыт; но все же он вскрыл два из Катынских трупов, не оставив свои акты без заключения, как это сделал я.

Вышеизложенное написал собственноручно: (подпись - доктор
М.МАРКОВ).

При дополнительном допросе сегодня 5.XI-41 года я, нижеподписавшийся доктор Марко А.Марков показываю еще и следующее: когда нам предложили в Катыне произвести вскрытие трупов и сказали нам, что мы можем указать, который из трупов нужно достать из раскрытых ям, я указал только на один труп, который находился на поверхности слоя из трупов, слившихся с общей массой трупов. Откуда венгерский представитель профессор Орзош взял

те трупы, которые он вскрывал, и как он их указывал, этого я не заметил.

По вопросу об отправке болгарского делегата, судебного медика, в комиссию, которая ездила в Винницу, мне известно следующее: для этой миссии меня не искали, потому что немцы были недовольны мной и открыто заявили, что они меня не желают. Доктор Георгий Михайлов, старший ассистент нашего института, был в отпуске в своей родной деревне (кажется эта деревня "Добри-Дол" - Горно-Ореховско) и прошло всего несколько дней после его отъезда; он вернулся до окончания своего отпуска. Он мне сказал, что его вызывал по телефону в деревню Желев, секретарь Министерства Иностранных дел, который ему заявил, что по приказу Министра-президента он должен немедленно возвратиться в Софию. Не знаю, сказали ли ему по телефону зачем его вызывали или ему сообщили об его миссии, когда он прибыл в Софию. Здесь он был направлен из Министерства Иностранных дел, т.е. я ошибочно написал: из Министерства Внутренних дел в Министерство Иностранных дел, где был принят главным секретарем министерства - полномочным Министром САРАФОВЫМ. Так как доктор МИХАЙЛОВ не хотел ехать, САРАФОВ ему заявил, что некого больше послать, так как директор института профессор МОСКОВ не знает немецкий язык, а доктор Марков был направлен в Катынь, немцы им, т.е. остались недовольны мной и никоим образом не хотели, чтобы меня отправили в Винницу. Поэтому САРАФОВ заявил доктору МИХАЙЛОВУ, что хотя ему сочувствует, видя его столь молодым, но вопреки своему желанию, он должен ехать, потому, что нет другого судебного врача. Когда доктор МИХАЙЛОВ вернулся, я ему совето-

вал молчать и не поддаваться требованиям вести пропаганду. Он мне заявил, что никто ему не предлагал и не принуждал вести пропаганду. Впоследствии мы слышали, что были направлены в Винницу и другие болгары. Я узнал, что там был профессор СТАНИШЕВ, директор народного здравоохранения — доктор Балканский, председатель союза врачей доктор КОЙЧЕВ, директор национальной пропаганды КОЦЕВ, некоторые высшие духовные лица, имена которых не знаю. Я слышал также, что ездили и некоторые другие лица, между которыми были и журналисты, однако, не знал, кто эти лица и верно ли то, что они ездили туда.

Упустил сообщить, что персонал медицинского факультета был граждански мобилизован, что не давало нам возможность подать в отставку.

Вышеизложенное написал собственноручно: (подпись — доктор М.МАРКОВ).

Я, доктор Марко АНТОНОВ МАРКОВ, 44 лет, болгарин, доцент судебной медицины.

Допрошенный дополнительно, сегодня 12 января 1945 года, даю следующие дополнительные разъяснения.

При своем отъезде из Софии я чувствовал, что не могу избежать этой миссии так же, как другие болгары не могли избежать их отправку в Сербию, Албанию и пр.

Лица, которые нас сопровождали при поездке из Берлина до Смоленска-Катынь и обратно, вели себя как полицейские. Они вели себя с нами очень сдержанно и даже, когда кто-нибудь заговаривал с ними, они отвечали коротко и избегали вступать в разговор. Постоянное присутствие этих людей вокруг нас, даже и на месте, где мы производили расследование, даже и на "научной конференции", создало у нас впечатление, что мы пленные и обязаны делать то, что нам приказывают. Поэтому никто из делегатов не делал никаких возражений.

В том же положении пленных были и "свидетели", представленные нам в Катыни. Они также были под стражей, выглядели запуганными и отвечали коротко. С этими "свидетелями" говорил только профессор Орзош и то чрезвычайно коротко, лишь с двумя из них. Затем "свидетели" были немедленно устранены под стражей. Ни с кем с другим из местных жителей мы не могли связаться, потому что это нам было запрещено, а из поведения молодого человека поливавшего мне воду, чтобы вымыться после вскрытия, я понял, что им также было запрещено разговаривать с нами. Мы вообще не видели местное население в Катыни, а в Смоленске мы его видели только из автобуса, которым ездили.

Во время "научной конференции", на которой должны были со-
ставить протокол, для нас было неожиданностью, что ^{был} он состав-
лен уже профессором Орзерем и профессором Буцем, хотя никто
из нас не возлагал на них составление протокола. Нужно отметить,
что в составлении этого проекта протокола участвовал так же
и профессор Буц, хотя он заявил на той же конференции, что они
немцы на деле не участвуют в заседании, а присутствуют лишь,
как хозяева.

Бумаги, которые немцы показали в витринах как "докумен-
ты", устанавливающие, что давность трупов русского времени,
были письма, записные книжки, мобилизационные удостоверения и
т.д. Немцы нам заявили, что по датам, находящимся в этих бу-
магах, устанавливалось, что трупы давности времени русских. Они
больше всего настаивали на одной записной книжке - ^идневнике на
которую нам указали в витрине. Все эти бумаги были измятые и
пожелтевшие. У них был вид, что они находились в земле, но их
могли положить в одежду трупов, поэтому я считаю, что они ни-
чего не доказывают. Они могли быть положены в одежду при похоро-
нах или даже позже, но все же гораздо раньше нашего приезда,
чтобы могло все снова слежаться. Вобщем способ, которым немцы
действовали в этом деле и в особенности те соображения, кото-
рые я привел в предыдущих своих показаниях и, которые создали у
меня убеждения, что здесь дело идет об инсценировке заставили
меня считать, что эти "документы" так же подложны.

Должен добавить, что трупы были чрезвычайно сохранены, что
соответствовало времени более позднему, чем давности около
двух лет, хотя, как я уже сказал, они достигли уже такого состо-
яния, при котором трудно определить совершенно точно их дав-
ность. Это было решающим обстоятельством для оформления моего
убеждения в том, что "Катынь" является германским делом, и что

я не должен им помогать путем пропаганды в том, чтобы приписать это дело русским, ввиду чего я воздержался от пропагандистской деятельности.

Вопреки этому, я был вынужден подписать протокол, предложенный нам на аэродроме Бела. То обстоятельство, что нам предложили там подписать протокол, при совершенно военной обстановке, а не в Смоленске или Берлине, хотя акты были еще готовы в Смоленске, заставило меня понять, что нас нарочно ставят в эту изолированную, военную обстановку, чтобы избежать любую возможность отказа со стороны любого из делегатов, подписать предложенный протокол. Я был убежден, что никто из делегатов не вернулся бы в свою страну при заявлении там, о несогласии с германским тезисом. Наверное германская военная полиция не выпустила бы того, кто бы не подписал протокол и мы все его подписали, без того чтобы ктонибудь сделал какое либо возражение. Я считаю, что как раз для того, чтобы мы почувствовали необходимость, непременно и без возражения подписать, нас поставили в эту исключительную и необычайную для подписания "научного документа" обстановку — на военном аэродроме Бела.

Я подписал при убеждении, что надо мной совершается насилие. Как сказал выше, моим единственным утешением являлось то обстоятельство, что при внимательном рассмотрении этого протокола, никак не подтверждался германский тезис.

После того, как я вырвался из германского нажима в Бела, а затем в Софию и Берлин, я ничего не сделал в пользу немцев и не услужил им своей пропагандой.

Вышеизложенное собственноручно написал: (подпись — доктор М.МАРКОВ).

Добовляю о профессоре БУЦЕ, немецком военном враче в Смоленском районе, что он был известен, как национал-социалист, того поколения немецких профессоров, которые сделали быструю карьеру, по партийной линии.

Мне неизвестны партийные убеждения профессора Орзоша, Венгерского делегата, но он очевидно пользовался особым вниманием со стороны немцев и БУЦ. По всем вопросам обращался к нему. На меня произвело впечатление, что он пришел к обеду к нам с фото-аппаратом через плечо и заявил, что ходил по городу снимать интересные церкви, тогда как нам всем было запрещено ходить одним, а в особенности делать снимки.

По возвращении в Софию я сказал своей жене, доктору Вере КОВАЧЕВОЙ-МАРКОВОЙ, являющейся так же врачом, что Катынское дело, - немецкое дело. Позже я сказал доктору К. Куситасеву, ныне главному секретарю здравоохранения, что я видел ямы с трупами в Катыни, но что немцы не убедили меня, что это русское дело. Это я ему сказал на улице "царица Иоанна" (Витоша), где мы встретились с ним. Он был вскоре освобожден из -под ареста и спросил меня о моей поездке в Катынь, то же самое я говорил адвокату К. Минковскому, с которым мы встретились при "СВ. Неделя".

Собственноручно написал: (подпись - доктора М. Маркова).

Профессор МАРКОВ - София

Труп, опозновательный № 827.

Труп мужчины среднего роста, средней упитанности.

Труп одет в форму польского лейтенанта. На нем шинель, форменная тужурка, верхняя рубашка, галстук, шерстяная фуфайка, брюки, кальсоны и сапоги. В одежде обнаружены документы. Они были в обертке № 827.

А. Внешнее освидетельствование.

1. Кожа еще хорошо сохранилась, местами загрубела.
2. Волосы и ногти преимущественно выпали.
3. Кое-где кожа приняла синюю окраску, в остальном она серо-красноватого цвета.
4. В области затылка обнаружен небольшой разрыв ткани, диаметром примерно в 8 миллиметров. Рана находится левее затылочной кости, на ширину 2 пальцев ниже ее.
5. В левой части лба, над левой бровью на расстоянии шириной в два пальца обнаружен второй разрыв ткани диаметром примерно в 1 сантиметр.
6. Других повреждений на трупе не обнаружено.

Б. Внутреннее освидетельствование.

7. 9,6 сант. правее и 2,4 сант. от затылочной кости в направлении затылочной впадины в черепе находится слегка овальное отверстие, размером в 0,8 сант. Более крупных трещин в затылке не обнаружено. Дыра в затылочной кости с ее внешней стороны имеет меньший диаметр, чем с внутренней.

С.

8. На 1,5 сант. выше надбровной дуги и на 2 сант. от центра лба находится другое повреждение кости почти прямоугольной формы размером в 3х1,2 сант. Повреждение на внутренней стороне поверхности кости, меньше, чем на внешней. От места повреждения кости лучеобразно исходят три трещины, первая проходит в направлении левого уха, вторая - через основание темени, третья - над переносицей в направлении правой надбровной дуги. Оттуда она разветвляется и проходит с одной стороны в направлении основания темени, а с другой, в направлении правого уха. В отверстии обнаруживается еще твердая мозговая оболочка и довольно плотная кашеобразная масса.

Д.

9. Легкие очень сжаты и имеют серо-синюю окраску:

10. Сердце в основном, как таковое, еще сохранилось, правая часть его сине-черного цвета. Слева еще ясно видны клапаны, сухожилия которых перебиты и круглой формы. Сердечный мускул в разрезе в отдельных волокнах еще опознаваем и имеет коричнево-красную окраску.

Е.

11. В желудке еще можно обнаружить немного каши.

12. В жировой ткани тонкой кишки обнаружен уже настоящий жир жировоскового образования.

13. Селезенка маленькая, сжатая.

14. Структура обеих почек уже неопознаваема.

15. Печень также сильно сокращена и имеет сине-черную окраску. Структуру установить уже невозможно.

ПЕРЕВЕЛА

с немецкого

A. Симонов

/Семенова/

66
40.

Председатель Третьего ^{состава} Верховного Народного Суда
София (Борис ЛОЗАНОВ)

Министерство Правосудия удостоверяет, что вышепоставленная
подпись Главного прокурора Верховного Кассационного Суда Бо-
риса Лозанова Председателя 3-го Верховного Состава народного
суда - София является собственноручной.

София 21 марта 1946 года.

Начальник Гражданского отделения - Борис Добрев.
(Печать)

Министерство юстиции
Болгарии.

Служеб-
ное
№ 50

Министерство Иностранных дел и Вероисповеданий
удостоверяет вышепоставленную подпись и печать Ми-
нистерства юстиции.

София, 21 марта 1946 г.

Секретарь Консульского отдела
(подпись не разборчива)
(печать)

Драгоман-кассир (подпись не разборчива)

Настоящий документ легализирован в Консульском отделе
Миссии Союза ССР в Болгарии.

г. София, 21 марта 1946г.

(Печать) Заведующий Консульским отделом
Миссии Союза ССР (подпись не разборчива)

№ 132

Настоящая папка содержит 63 (шестьдесяттри/ листа).

Начальник Уголовного отделения
Министерства Юстиции
(Ст. Станев)

(Печать)

Перевела
с болгарского:

(С.Д. БЛАГОЕВА)

